

В. Ю. Быстрыков**Евразийская идеократия К. А. Чхеидзе**

Евразийское движение, возникшее после революции 1917 г. в среде русской эмиграции, включало большое количество представителей интеллектуальной элиты. К этому числу принадлежал секретарь П. Н. Савицкого Константин Александрович Чхеидзе. Он вошел в движение в середине 1920-х гг. и постепенно стал его активным участником, выполнявшим существенный объем различной организационной работы. Его статус и авторитет предопределило то, что работы Чхеидзе в историографии безусловно относятся к евразийским. Однако их анализ показывает, что иногда его трактовка евразийских идей отличалась от взглядов П. Н. Савицкого или Н. С. Трубецкого. Эти два лидера евразийства также с сомнением относились к идеям К. А. Чхеидзе о конвергенции евразийства и Философии общего дела Н. Ф. Федорова. В идеях К. А. Чхеидзе отразилась сложность и противоречивость самой евразийской идеологии.

Ключевые слова: евразийское движение, Россия-Евразия, «месторазвитие», евразийство, Философия общего дела, К. А. Чхеидзе.

Одной из проблемных тем в историографии евразийства является определение его состава, а также личного вклада каждого из участников в общую идеологию движения. Принадлежность к евразийству определяется двумя фактами: вхождением в организационную структуру и публикацией текстов в евразийских изданиях. Для лидеров движения оба этих факта обычно совпадали. В пятерке руководителей, состоявшей из Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, П. С. Арапова и П. Н. Малевского-Малевича, первые трое помимо организационной деятельности оставили обширное письменное наследие, составившее нерв евразийской идеологии. П. С. Арапов и П. Н. Малевский-Малевич, несмотря на скромное место в евразийских изданиях, вели большую распорядительную работу, неизменно входя во все руководящие структуры движения.

Что касается остальных участников движения (в том числе еще одного его основателя — Г. В. Флоровского), то в историографии принято выделять «евразийский период деятельности» того или иного автора, а также то влияние, которому подверглись их взгляды благодаря участию в движении. В случае изучения евразийской идеологии в целом к опубликованным источникам будут относиться работы авторов, изданные в евразийских издательствах (если только эти авторы не так называемые «попутчики» — тогда надо анализировать каждого из них в отдельности). Остается открытым вопрос, следует ли отнести к таковым труды, написанные за пределами «евразийского периода деятельности».

Практически для всех участников движения «евразийский период деятельности» можно использовать как хронологические рамки для отнесения их текстов к евразийским, за исключением его лидера — П. Н. Савицкого. В историографии господствует единство мнений, что, несмотря на затухание деятельности евразийского движения в конце 1930-х гг. и на то, что он публиковался не только в евразийских изданиях, все работы Савицкого являются классикой евразийской мысли и источником для ее изучения.

В целом то же самое можно сказать о Н. С. Трубецком и о П. П. Сувчинском, поскольку за пределами евразийской мысли в основном они публиковали труды по специфической тематике, связанной с лингвистикой и музыкой соответственно. Что касается остальных авторов, начиная с Г. В. Флоровского, то у них можно выделить труды, входящие и не входящие в евразийскую систему взглядов. В этом плане значение того или иного участника определялось количеством и качеством работ, опубликованных в евразийских изданиях. Например, Г. В. Вернадский, Л. П. Карсавин, Н. Н. Алексеев, не входившие в число ос-

© Быстрыков В. Ю., 2020

нователей движения, внесли существенный вклад в разработку различных аспектов его идеологии в целом, являясь достаточно плодовитыми авторами. Интересна судьба В. Н. Ильина, примкнувшего к движению в середине 1920-х гг. и со скандалом покинувшего его в 1934 г. Несмотря на это, его работы принадлежат к евразийским, а сам он внес существенный вклад в разработку идеологии движения. Характерна история включения в состав движения М. В. Шахматова. Он опубликовал в евразийских изданиях две статьи, в целом нейтрального характера. П. Н. Савицкий, как и другие лидеры, относил его к «попутчикам» движения. Однако в части историографии взгляды М. В. Шахматова относятся к евразийским, хотя сам он таковыми их не считал [1].

Проиллюстрируем эти соображения на примере участия в движении К. А. Чхеидзе. Его имя не столь известно, как имена Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого или Г. В. Вернадского. Он обозначается как деятель «даже не второго, а третьего разряда — и деятеля, скорее, литературного и практического, чем теоретического толка» [18, с. 77]. Но в его деятельности отразились перипетии организационной и идейной эволюции движения в конце 1920-х — 1930-е гг. На примере деятельности К. А. Чхеидзе рассмотрим особенности включения работ авторов в число «евразийских». Также приведем обоснование тезису, что принадлежность к движению не исключала определенной самостоятельности в трактовке тех или иных постулатов движения.

Историография работ, посвященных К. А. Чхеидзе, относительно невелика. Анализируя ее, необходимо отметить огромный вклад А. Г. Гачевой [2—6]. Ее усилиями было переиздано большинство литературных и теоретических работ К. А. Чхеидзе, опубликована существенная часть архивных источников. Все это снабжено подробными, скрупулезно составленными комментариями, содержащими огромный справочный и научный аппарат. А. Г. Гачева считает основным вкладом Чхеидзе в развитие евразийских идей попытку их сближения с наследием русского мыслителя Н. Ф. Федорова, указывая, что «работы Чхеидзе стали вершинной точкой движения евразийства от восточничества к всечеловечности, перехода «из состояния “особности” в состояние “вселенскости”» [2, с. 233]. Помимо работ А. Г. Гачевой отметим статьи Э. Г. Задорожнюк [12], М. А. Колерова [18], а также В. Г. Макарова и А. В. Репникова [19].

Источниковой базой исследования послужили работы К. А. Чхеидзе, опубликованные в различных эмигрантских изданиях, как евразийских, так и иных, документы из фонда П. Н. Савицкого [7; 8] и К. А. Чхеидзе [9; 10], хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, а также переписка К. А. Чхеидзе и другие архивные документы, подготовленные к изданию трудами А. Г. Гачевой [37]. Хронологические рамки исследования составляют 1923 г. (время прибытия К. А. Чхеидзе в Прагу) — 1938 г., когда евразийское движение фактически прекратило свое существование. Территориальные рамки определить сложнее, поскольку, во-первых, адресаты писем К. А. Чхеидзе разбросаны от Европы до Дальнего Востока, во-вторых, евразийские ячейки существовали в европейских городах — Праге, Париже, Берлине, прибалтийских городах и т.д.

Судьба К. А. Чхеидзе похожа на тысячи судеб русских эмигрантов. Учеба в Полтавском кадетском корпусе, Тверском кавалерийском училище и революция 1917 г., в корне изменившая жизнь. В годы Гражданской войны он был личным адъютантом начальника Кабардинских частей генерала Заур-Бека Даутокова-Серебрякова, а после его гибели — адъютантом правителя Кабарды князя Т. Бековича-Черкасского. В 1920 г. К. А. Чхеидзе покинул Россию в составе врангелевских войск, эвакуированных из Крыма. После трехлетнего пребывания в Турции и Болгарии в 1923 г. он прибывает в Прагу и поступает в Русский юридический факультет, где его учителями становятся видные научные деятели эмиграции П. И. Новгородцев, П. Б. Струве, Н. О. Лосский, А. А. Кизеветтер, Г. В.

Флоровский, Г. В. Вернадский, Н. Н. Алексеев и П. Н. Савицкий. Именно под влиянием последнего Чхеидзе в 1924 г. примкнул к евразийскому движению и постепенно стал его ближайшим сотрудником.

Евразийское движение, вместившее в своих рядах множество оригинальных мыслителей, уже в силу этого было предопределено к различным конфликтам и расколам. Первый из них произошел на заре существования, когда в 1923 г. от движения отошел один из его основателей — Г. В. Флоровский, не принявший крен движения в сторону политической организации. В течение 1920-х гг. постепенно нарастали противоречия между П. П. Сувчинским и П. Н. Савицким, непростые отношения у последнего сложились и с Л. П. Карсавиным. Во второй половине 1920-х гг. рос скептицизм относительно эволюции движения у Н. С. Трубецкого. В сентябре 1925 г. он писал П. Н. Савицкому и П. П. Сувчинскому: «Надо назвать вещи своими именами: мы становимся политиками и живем под знаком примата политики. Это — смерть. Помните, что такое мы. “Мы” — это особое мироощущение. Из этого мироощущения проистекает особое мирозерцание. А из этого мирозерцания могут быть выведены, между прочим, и некоторые политические положения. Но только между прочим!» [11, с. 152].

Во второй половине 1920-х гг. все более усугублялся раскол между П. Н. Савицким и П. П. Сувчинским и течениями в евразийстве, которые они олицетворяли. В 1927 г. П. Н. Савицкий и Н. С. Трубецкой критиковали П. П. Сувчинского за уклон в марксизм [9, л. 1]. Тем не менее в 1928 г. лидерами движения было решено издавать новую газету «Евразия» (против такого названия выступил П. Н. Савицкий) [9, л. 18]. В такой сложный момент для работы в новой редакции в Париже он отправляет своего секретаря К. А. Чхеидзе [9, л. 18]. С самого начала у него не сложились отношения с П. П. Сувчинским. Позднее Чхеидзе докладывал на заседании Пражской евразийской группы о постоянных конфликтах вокруг редакционной политики газеты [9, л. 28]. За несколько дней до выхода первого номера П. Н. Савицкий прекратил участие в редактировании газеты [20, с. 312]. В декабре 1928 г. Н. С. Трубецкой заявил о своем выходе из евразийской организации [22].

Раскол евразийства нанес сильный удар по кадровым, финансовым, издательским и иным возможностям движения. В новых условиях, когда из всех лидеров движения в 1920-е гг. фактически остался один П. Н. Савицкий, на первые роли стали выдвигаться люди, так или иначе с ним связанные, в том числе и К. А. Чхеидзе. Он входит в новую руководящую структуру движения — Евразийский Распорядительный Комитет, принимает активное участие в подготовке первого съезда евразийских организаций в 1931 г. График работы самого съезда утверждала комиссия в составе П. Н. Савицкого, П. Н. Малевско-го-Малевича и собственно К. А. Чхеидзе [7, л. 65]. На съезде был образован Центральный Комитет во главе с Председателем — П. Н. Савицким. По его предложению было решено создать Секретариат, в котором Чхеидзе стал заместителем Председателя ЦК [8, л. 163].

На этом посту Чхеидзе проделал огромный объем организационной работы. Секретариат ЦК осуществлял связь и сотрудничество с евразийскими группами и отдельными евразийцами [10, л. 5]. Секретариатом была спланирована работа по организации «около-евразийской» среды и связи с нею, причем географический охват был достаточно широким: Франция, Германия, Польша, Сирия, Южная и Северная Америка. В Чехословакии большое внимание уделялось развитию связей с евразийцами, отошедшими от движения во время раскола, работе с потенциально евразийской молодежью в форме организации бесед, вечеров и т.д., с представителями различных национальностей бывшей Российской империи [10, л. 6]. Еще одно направление деятельности состояло в установлении связей с различными «пореволюционными» группами, отдельными деятелями и периодическими изданиями (национал-большевики, младороссы-кирилловцы, В. Иванов, «Новый град»,

«Третья Россия» и т.д.). С ними проводились переписка, обмен изданиями, использовались их каналы по распространению евразийских сборников и книг в Азии и Америке. Весь этот огромный объем работы лежал на плечах ближайшего помощника П. Н. Савицкого — К. А. Чхеидзе.

Таким образом, Чхеидзе был одним из активных деятелей постклармарского евразийства, выполняя огромный объем организационной работы. Этот факт предопределил значение его работ. Несмотря на то, что К. А. Чхеидзе не относился к самым плодовитым авторам (имеются в виду именно его «евразийские работы»), его тексты, как и в случае П. Н. Савицкого, полностью относятся к «евразийским» с момента его вхождения в состав движения в 1924 г. Рассмотрим подробнее те постулаты, которые в них содержались.

Достаточно часто пафос статей К. А. Чхеидзе, как и евразийства в целом, был обращен против эмигрантских кругов, отождествлявших себя с дореволюционной Россией, чьи идеалы были сформированы в то время. «Нет сейчас “отцов и детей”, а есть “они” — “дети и внуки” предреволюционной и революционной России — и “мы”... мы, идущие своими путями к своей цели жизни: к творчеству во имя России. Они и мы — два разных мира, две разные исторические эпохи, которые уже получили свое определение, как: их — эпоха критическая и наша — органическая» [34, с. 311]. Факты появления Новой России он связывал с некоторыми пореволюционными группировками и старался рассмотреть в них союзников или хотя бы попутчиков евразийства [33, с. 350]. Такая работа была одним из направлений его деятельности в самой организации.

В целом в работах Чхеидзе можно выделить два основных направления: анализ геополитических особенностей России-Евразии и рассмотрение положительных сторон современного опыта государственного строительства в СССР.

Рассуждения К. А. Чхеидзе о геополитике базировались на идеях П. Н. Савицкого о влиянии месторазвития на общественное устройство. Он выстраивал геополитическую традицию в русской историографии, в которую включал А. П. Щапова, И. Л. Мечникова, Д. И. Менделеева, Н. Я. Данилевского, А. Н. Фатеева, А. А. Крубера. Отметим, что первые четыре автора постоянно присутствовали в евразийских текстах как предшественники. К. А. Чхеидзе составил схему, в которой ранжировал месторазвития и человеческие социумы как «субъекты истории». П. Н. Савицкий писал о том, что существует целый ряд месторазвитий от простого двора, деревни до земного шара. К. А. Чхеидзе попытался наполнить эту мысль реальным содержанием, указав на особенности поселений разных племен у берега озера или в лесу, специфику проживания представителей разных народов в Моздокской степи как простом месторазвитии. Он рассматривал историю Новгородской республики и Венеции как сочетания сложного месторазвития и сложного субъекта истории. Следующей ступенью являлись народ или совокупность народов, проживающих на территории сложного месторазвития. Последней формой К. А. Чхеидзе называл «государства-материки». При этом он допускал, что и земной шар и все человечество могут выступать единым субъектом изучения [27, с. 114]. Чхеидзе указывал, что горцы Кавказа ближе жителям Сицилии, Корсики и Сьерра-Невада, нежели ногайцам или русским. Устанавливая горизонтальные связи между различными месторазвитиями, он тем самым разрушал границы между евразийским и романо-германским мирами. Такая установка противоречила евразийской концепции.

Лигу Наций К. А. Чхеидзе считал прообразом будущего европейского объединения в виде «координационного-субординационного» правительства Соединенных Штатов Европы. Характерной чертой современности являлось объединение наций в «государства-материки». Эти процессы подтверждают правильность теории культурно-исторических типов, поскольку в них совпадают месторазвитие государств и их культурно-истори-

ческие особенности. К. А. Чхеидзе предлагал авторскую схему «государств-материков», куда помимо евразийского и панъевропейского мира входит панамериканский, чья суть была выражена в доктрине Монро, и намечающиеся паназиатский под руководством Японии и исламистский [31, с. 34]. С такой градацией не согласилась редакция «Евразийского временника», усомнившись в реальности паназиатского и исламистского миров и указав, что Турция тяготеет к евразийскому миру. Позднее К. А. Чхеидзе исключил из данной схемы последние два мира [27, с. 114].

Но еще более самостоятельную концепцию, отличающуюся от евразийских установок, К. А. Чхеидзе обозначил в статье «К познанию современности». Следует сказать, что она была опубликована не в евразийском издании, а в журнале «Русско-чешская будущность», одним из редакторов которого он был. Он писал о том, что современная эпоха поставила под вопрос европейскую культурную гегемонию в мире, поскольку США и Япония показывают, что они не менее стран Старого Света могут что-то вносить в «общую сокровищницу человечества» [29, с. 330]. В самой Европе произошли кардинальные изменения, связанные с появлением новых славянских государств — Чехословакии, Польши, Югославии, с примкнувшей к ним Болгарией. Характеризуя динамику этого процесса, Чхеидзе повторял евразийские догмы, считая Россию находящейся в идеологической зависимости от романо-германского мира, однако не до 1917 г., как сказали бы евразийцы, а до середины XIX в. Он ставил знак равенства между процессом создания славянских государств в 1878—1918 гг. и революцией в России, считая, что они одинаково направлены против «европейских образцов». После падения коммунистического режима на смену романо-германской эпохе, прогнозировал К. А. Чхеидзе, должна прийти славяно-русская. Как видно, в статье представлен футуристический прогноз, отличающийся от евразийских догм, никак не видевших будущее в славяно-русской эпохе.

Формы совместного проживания нескольких наций в одном государстве К. А. Чхеидзе обозначал как национальную проблему. Государственное единство он выводил из сочетания нескольких факторов. К ним он относил единство геополитической системы, то есть такое соотношение земельных условий, которые определяют зачатие и развитие политического целого. В этом определении он практически повторял мысли классиков евразийской геополитики, в первую очередь П. Н. Савицкого. Однако К. А. Чхеидзе считал, что основное значение геополитических факторов состоит в вопросах внешней политики, в отграничении одного мира от другого. В евразийстве преобладал несколько иной уклон, основное внимание геополитические факторы имели как раз для внутренней организации мира России-Евразии (сохраняя, конечно, смысл границы с другими мирами).

В следующем факторе — единстве этнической системы — Чхеидзе пытался совместить две различных точки зрения на общежитие евразийских народов — «совместное проживание» и «кровнородственные связи». В евразийстве упор делался на первом, считалось, что «почва» сильнее «крови», т.е. проживание на одном пространстве делало народы гораздо ближе друг другу, нежели этнические связи, поэтому русские были ближе тюрко-татарским народам, нежели славянам Восточной Европы. Единство культурно-исторической системы, подобно природным факторам, также оказывает решающее влияние на политическое целое. «Спайка во временно-историческом смысле сводится к единству исторической судьбы» [32, с. 315]. Логичный исторический аргумент, однако весьма спорный для евразийства, поскольку его идеология строилась на вневременных принципах, имеющих внеисторическое значение. Именно этим объяснялись и сам факт существования Евразии, и ее исторический путь. Первична не сама спайка, а условия, в которых она стала возможна, и в первую очередь существование на одном месторазви-

тии. Рассуждая далее, К. А. Чхеидзе пишет о том, что ход истории образовал единство исторической судьбы и predetermined культурное единство данной системы наций, а также единство культурных заданий с едиными задачами. Последние могут быть самыми различными, но, реализуясь, они становятся культурой. Такое понимание культуры вызвало комментарий евразийского издательства о том, что данная позиция является личной позицией автора.

К. А. Чхеидзе был уверен, что достигнутый уровень развития человечества призывает к его активному преобразованию. Исходя из этого встает проблема цели или идеала, на основании которых преобразуется мир. Чхеидзе на примере уже указанных выше «государств-материков» — России-Евразии, Европы, США, а также Японии и ее колоний (как видим, исламистский так и не попал в этот список) анализировал особенности этого процесса, в котором использовались совершенно новые технологии. Если при образовании племен или государств более слабые народности и нации подавлялись, то в «государство-материк» они включаются на основе добровольности и наличия приемлемых условий для совместного существования [30, с. 20]. Главное отличие создания «государств-материков» состоит в сознательном проектировании этого процесса. Следующей фазой планирования и организации человечества является его всемирное объединение. Перед ним встает задача выдвинуть идею, которая в то же время будет являться планом или проектом. Новая эпоха, ставящая такие сложные задачи, может быть только идеократической.

По мнению К. А. Чхеидзе, в основе европейского решения национальной проблемы лежит диалектизм, т.е. противоречие и борьба, что заключалось в подавлении национальных меньшинств в самой Европе и угнетении неевропейских народов. Подобной политики придерживалась и Россия в императорский период истории. К. А. Чхеидзе намечает решение национальной проблемы. В целом оно соответствовало тем принципам, которые были определены в остальной евразийской литературе. Совместное существование наций может быть построено только на признании каждой из них личностью. Он прямо ссылается на принцип, выдвинутый Н. С. Трубецким в работе «Об истинном и ложном национализме»: «познай самого себя» и «будь самим собой». Переводя его на язык административного районирования, К. А. Чхеидзе выдвигает задачу проведения административных границ по признаку этнического расселения. «Идея соборного существования личностей-наций — вот тот предельный устой, которым будет сильна Россия-Евразия» [32, с. 319].

Отношение к советской действительности в работах Чхеидзе в целом укладывалось в рамки евразийской идеологии. «Евразийское учение, укорененное в религии, никаким образом не может разделить взгляд, что зло побеждается злом и что длящимся преобладанием зла исключается присутствие добра» [24, с. 38]. Этот тезис лежит в основании принятия революции и постреволюционной реальности, в соответствии с которым К. А. Чхеидзе предлагал «отделить зерна от плевел» и наращивать те положительные моменты, которые появились в новой России. Такой подход он пытался применить к процессу организации правящего отбора, который являлся средоточием государственной воли и организатором национального самосознания. Место будущего правящего отбора формально и функционально совпадает с положением ВКП(б). К. А. Чхеидзе прогнозировал ее перерождение в настоящий правящий отбор и видел союзников евразийства во многих социальных слоях советского общества — беспартийных чиновников, спецов, военных и т.п. Первая цель евразийства состоит в том, чтобы выносить и исполнять идею-правительницу, обладающую силой отъединения и объединения «подданных добра» как в СССР, так и за рубежом [24, с. 40].

Характеризуя изменения, произошедшие после революции, К. А. Чхеидзе обозначал советскую систему, федерацию и единую партию как те ценности, которые следовало сохранить. Он жестко критиковал экономическую политику Москвы и считал, что через отживающий коммунизм пробиваются ростки новой жизни, связанные с реализацией идеи России-Евразии как «узла и начала новой мировой культуры» [38, с. 344].

Отметим, что К. А. Чхеидзе, да и другие евразийцы во главе с П. Н. Савицким тщательно искали в той информации, которая доходила до них из СССР, признаки кризиса правящей партии и появления каких-либо фактов, которые могли свидетельствовать о религиозном подъеме. Такие факты вполне укладывались в их представления о неизбежности победы евразийства в посткоммунистической России. Впрочем, знамения нового времени Чхеидзе находил во многих сферах современной общественно-политической и культурной жизни [23, с. 354]. Например, в письме к П. С. Боранецкому он указывал, что в Большой и Малой советских энциклопедиях и на советском радио часто говорят о Евразии и используют евразийскую терминологию [15, с. 739]. В письме к Н. В. Устрялову, цитируя одного из выступавших на съезде историков-марксистов, утверждал, что и в СССР, и в эмиграции есть потребность в «новом вине» [14, с. 726].

В 1930-е гг. внимание К. А. Чхеидзе практически полностью переключилось на интеллектуальное наследие русского мыслителя Н. Ф. Федорова, автора концепции «Философии общего дела». С его работами Чхеидзе начал знакомиться в 1928 г., однако тогда, на волне противостояния П. Н. Савицкого и П. П. Сувчинского, когда последнего как раз обвиняли в излишнем увлечении марксизмом и федоровством, его позиция могла быть только отрицательной. По признанию К. А. Чхеидзе, во время противостояния с кламарской группой он вел отчаянную борьбу против Философии общего дела [16]. Однако за несколько лет его отношение поменялось кардинально и в декабре 1932 г. он писал Н. А. Сетницкому: «Я по существу занят мыслями НФФ и потому могу сказать, что собственные мои мысли и действия в настоящее время несут отпечаток “федоровского учения”» [16, с. 394]. В 1933 г. в письме к В. А. Куликову Чхеидзе писал о том, что последние несколько месяцев читает Н. Ф. Федорова, находя в нем «дивный ум, многообразный дух, глубокий и взлетающий над многими вершинами» [13, с. 754].

Отчасти идеи Философии общего дела совпали с мыслями самого К. А. Чхеидзе. Он отмечал, что в конце 1920-х гг. демократическая система попала в полосу кризиса, связанного с предельным развитием свободы, превратившейся в отрицательную единицу. «Нарождается пафос не-свободы, и он грозит приобрести характер нового идола» [36, с. 46]. По мнению К. А. Чхеидзе, дифференциация знания и индивидуализация социума, связанная с ростом свободы, в ходе исторического процесса отучила человека мыслить общими представлениями и понятиями. В современном мире господствует аналитический стиль восприятия общественных отношений, где во главе угла стоит разделение, дробность, бесконечная борьба классов, борьба наций за самоопределение.

Однако жизнь требует не дробного, а целостного идеала. Успехи фашизма, национал-социализма и коммунизма состоят в том, что они пробуждают у больших коллективов волю к гениальности, пытаются заменить дробные идеалы одним целостным. Ссылаясь на Н. С. Трубецкого, К. А. Чхеидзе считает, что кризис демократии будет преодолен с помощью идеократической системы. Фашизм, национал-социализм и коммунизм являются лже-идеократиями. Чхеидзе ищет признаки истинной или совершенной идеократии и видит их в появлении государств-материков — европейского, американского, азиатского и евразийского (как видим, здесь он также не упоминает об исламистском «государстве-материке»), в развитии мировых социально-экономических и культурных связей, в попытках человечества проникнуть в тайны Космоса. «Нынешние (лже-)идеократии

дают форму нового общежития и, таким образом, отвечают на вопрос: “как?”. Истинная идеократия потому и будет истинной, что она ответит на вопрос “зачем?”, т.е. даст содержание жизни — что и составит конечный идеал» [25, с. 28]. Он писал о том, что идеократический строй мысли нуждается в концепции совершенной идеократии, рассмотрение которой невозможно без анализа трудов Н. Ф. Федорова [35, с. 440]. Для К. А. Чхеидзе в идее заключен проективный смысл, она является проектом действительности, подлежащим осуществлению. Может существовать множество идей и проектов, но из них возвышается один всеобъемлющий — проект Общего Дела [26, с. 382].

Особенности планового хозяйства на евразийском месторазвитии заключались в традиции русского этатизма и идеократической особенности психики евразийских народов. К. А. Чхеидзе писал одновременно о евразийстве и о Философии общего дела. Их объединяла тотальность задач и замысла. И там и там часть была неразрывно связана с целым, а не противопоставлялась ему. Но между ними было одно важное противоречие: евразийство говорило о России-Евразии, федоровство — обо всем человечестве. С помощью системы «государств-материки» Чхеидзе пытался синтезировать эти схемы.

К. А. Чхеидзе выступал за те идеи, из-за которых отчасти случился кламарский раскол. В письме Н. А. Сетницкому он отмечал, что поскольку марксизм вошел в русскую действительность, его элементы входят в синтетическую систему евразийства [16, с. 411]. Но марксизм все же критиковался им достаточно резко, а вот относительно идей Философии общего дела можно сказать, что К. А. Чхеидзе был ими очень сильно увлечен. Для продвижения этих идей он выбрал несколько интеллектуальных стратегий. Во-первых, он указывал на имеющуюся в евразийстве «волю к жизни», то есть стремление к идейной эволюции и развитию. «Т<аким> о<бразом>, не исключено, что в е<вр>а<зийст>ве произойдут (даже наверно произойдут) перемены установок и мотивации установок. Вероятно предположить, что часть таких перемен реализуется в связи с ФОД» [16, с. 424].

Во-вторых, Чхеидзе считал, что оформление концепции идеократии требует синтеза евразийства и федоровства. «Неоднократно в е<вр>а<зийской> литературе высказывался взгляд, что наша идеократия нуждается в завершительной системе совершенной идеократии. Следовательно, мы перед проблемой чисто эсхатологической. Таким образом устанавливается неразрывная связь между е<вр>а<зийской> идеократией, федоровской ФОД и христианской эсхатологией. Под знаком этой связи должна проходить наша будущая и ближайшая идеологическая работа» [21, с. 696]. В письме к П. Н. Савицкому К. А. Чхеидзе видел неразрывную связь между созданием идеократии как законченной системы и наличием конечного идеала [28, с. 693]. С помощью таких понятий, как идеократия и конечный, цельный идеал, Чхеидзе объединял евразийские идеи и федоровство.

В-третьих, К. А. Чхеидзе пытался включить Н. Ф. Федорова в интеллектуальную традицию евразийства. Он считал, что евразийцы стали разрабатывать проблему идеократии, не зная концепции Н. Ф. Федорова, который, таким образом, должен быть назван в числе их предшественников наряду с Н. Я. Данилевским или А. С. Хомяковым. Задача евразийства — внести истину в искания наших народов, показать глубокий религиозный смысл нынешнего переустройства жизни [17, с. 707].

В письме к Н. В. Устрялову Чхеидзе обещал свести эти стратегии в одно целое. «Я когда-нибудь, с Божьей помощью, сведу свои замечания по поводу Ф.О.Д. в одну статью и помещу ее где-либо...» [14, с. 737]. Однако попытки К. А. Чхеидзе синтезировать две системы идей встречали известный скепсис как в евразийских, так и в других кругах русской эмиграции. Его харбинский адресат, известный популяризатор и сторонник идей Философии общего дела Н. А. Сетницкий сомневался в успешности его попыток и писал о том, что позиция друзей Чхеидзе напоминает постулаты сторонников П. П. Сувчинско-

го перед кламарским расколом. «Вся разница в том, что они не говорят о Марксе и Федорове и не ведут и не пытаются вести никаких разговоров с советскими представителями. Что же касается высказываний, то доклад Савицкого и выступление Антипова месяца полтора тому назад в полной мере реабилитируют позицию Клямара» [16, с. 446]. Н. А. Сетницкий указывал, что К. А. Чхеидзе переоценивает влияние идей Н. Ф. Федорова в евразийской среде. «Я думаю, что Вы напрасно перекрываете свою работу в области Ф.О.Д. отсылкой и записыванием ее за счет “основных” Евразийцев. Ни Трубецкой, ни Савицкий в этой сфере ничего не сделали, кроме минимального признания интереса федоровских постановок. Честь распространения этих идей и даже приучения к ним некоторых строптивцев принадлежит Вам, и не как Евразийцу, а как К. А. Чхеидзе» [16, с. 433].

Лидеры евразийства П. Н. Савицкий и Н. С. Трубецкой с сомнением относились к попыткам синтезировать евразийство и федоровство. П. Н. Савицкий признавал приемлемый характер некоторых идей Н. Ф. Федорова, связанных, например, с овладением техникой, однако негативно относился к идее воскрешения мертвых. Разбирая сборник «Вселенское дело», он указывал, что материал в нем можно разделить на два разряда: евразийские статьи К. А. Ч. и В. А. Куликова и другие, чуждые евр-азийству, они ударяют на воскрешение мертвых [21, с. 697]. Н. С. Трубецкой еще более критично относился к усилиям К. А. Чхеидзе. «Не первый год ЕА захлестывается марксизмом и федоровством. Но как мы боролись и боремся против одного, так же надо бороться и против другого. Никакой эсхатологии в федоровстве нет, а есть хилиазм, т.е. конец эволюции. Но Евразийство всегда восставало против хилиастических мечтаний. Идеократию мы никогда не выдавали за идеал — мы считаем, что такова будет форма общения ближайшего будущего. Общество беспрерывно перестраивается; теперь нужна идеократия, потому что демократия себя изжила, а аристократия невозможна. Мы не можем принять марксизм без потери собственного лица; точно так же не можем принять федоровства. Принятие учения Маркса значило бы вхождение в подчинение марксистам, это опасный путь, он не для нас. А Федоров сектант, он непосредственно действует на простое сознание; с ним соглашения быть не может, а должно быть отмежевание от него, чтобы не было подчинения ему» [21, с. 697].

Мечты К. А. Чхеидзе о конвергенции евразийства и федоровства отчасти поддерживались и его личным авторитетом. Поэтому часть евразийцев, особенно в периферийных группах, например в прибалтийских, отнеслась с большим вниманием к такому синтезу. Однако мысли К. А. Чхеидзе о том, что евразийцы не станут относиться к Философии общего дела так, «как в свое время эмиграция отнеслась к Евразийству» [21, с. 694], все-таки остались нереализованными. Идеи интеграции федоровства и евразийства в истории движения остались авторским проектом К. А. Чхеидзе.

Таким образом, в работах докламарского периода К. А. Чхеидзе развивал те мысли, которые были изложены в работах П. Н. Савицкого и Н. С. Трубецкого. Среди них выделялись два направления: месторазвитие России-Евразии и идеократия. Анализируя первое понятие, К. А. Чхеидзе пытался обрисовать геополитическую картину мира, выделяя несколько «государств-материков». Саму структуру месторазвития он рассматривал лишь вскользь, больше сосредоточившись на современной геополитической картине. Он намечал свой вариант «государств-материков»: США, Евразия, Европа, паназиатский и исламистский. В выделении последнего он оказался удивительно прозорлив, однако в дальнейшем отказался от его выделения в самостоятельный мир.

Кламарский раскол и посткламарское развитие евразийства сосредоточили внимание К. А. Чхеидзе на решении организационных вопросов. Именно тогда он увлекся идеями

Н. Ф. Федорова. В работах, опубликованных в 1930-е гг., Чхеидзе пытался как-то синтезировать их с евразийством. В принципе в это время у него появилась возможность занять нишу специалиста по идеологическим вопросам, т.е. место, которое на заре развития движения занимал Г. В. Флоровский, а позже Л. П. Карсавин. Мыслителей такого ранга в движении не осталось. Авторитет К. А. Чхеидзе в глазах П. Н. Савицкого и других евразийцев, снижение финансовых, издательских, кадровых и других возможностей движения позволяли ему некоторую вольность в своих текстах. П. Н. Савицкий всегда осторожно относился к таким попыткам К. А. Чхеидзе, максимум, чего мог достичь последний, так это того, что П. Н. Савицкий и пражская организация обозначили свободу действий каждого своего автора в увлечении федоровством, указав, что это является личным делом. На наш взгляд, здесь было больше признания личного авторитета князя, нежели реального согласия как-то включить идеи федоровства в евразийство. Н. С. Трубецкой не принял такого крена и не согласился с идеями К. А. Чхеидзе. Таким образом, концепция «идеократического интернационала» представляет собой эволюцию евразийских взглядов К. А. Чхеидзе, впрочем, не исключавших ее критику со стороны других представителей движения.

Конечно, достаточно сложно отделить в работах К. А. Чхеидзе евразийство от федоровства и как-то вынести его за скобки, назвать его личной позицией автора и лишиться приставки «евразийский». Поэтому у А. Г. Гачевой звучит мысль, что это — один из вариантов развития евразийства. В этом парадоксе отражается суть самого движения. Объединяя очень разных людей, оно спланировало их концептом «Евразия». Остальное предопределялось образованием, научными интересами, религиозными взглядами, политическими амбициями каждого из авторов. Авторское понимание Евразии можно прочесть у каждого евразийца, тем сложнее определение постулатов общей идеологии движения. Можно выделить лишь те направления, отрасли знания, в которых эта идеология создавалась.

В 1920-е гг. такое положение дел приводило к конфликтам и расколам. В 1930-е гг. движение уже не могло себе позволить такого, и, хотя расколы и конфликты сохранились (выход В. Н. Ильина в 1934 г.), П. Н. Савицкий выстроил систему фильтров на пути проникновения федоровства в движение, позволив своему ближайшему соратнику развивать авторское видение этого синтеза. В дальнейшем несколько поколений исследователей и политических деятелей представили свое видение концепта «Евразия». В историографии многие из них также будут названы евразийскими.

Список использованных источников и литературы

1. Быстряков В. Ю. Правовое государство и «государство правды» в работах М. В. Шахматова // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 304—309. DOI: 10.24411/2309-4370-2019-12230.
2. Гачева А. Г. Евразийство: от восточничества к всечеловечности // Тетради по консерватизму. 2015. № 5. С. 215—239. DOI: 10.24030/2409-2517-2015-5-215-239.
3. Гачева А. Г. Идеи В. И. и Г. В. Вернадских в восприятии писателя, публициста, деятеля евразийского движения К. А. Чхеидзе // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013. № 4. С. 177—197.
4. Гачева А. Г. Неизвестные страницы евразийства конца 1920 — 1930-х годов. К. А. Чхеидзе и его концепция «совершенной идеократии» // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 147—167.
5. Гачева А. Г. «Философия общего дела» Н. Ф. Федорова в духовных исканиях русского зарубежья // Гачева А. Г., Казнина О. А., Семенова С. Г. Философский контекст русской литературы 1920—1930-х годов. М. : ИМЛИ РАН, 2003. С. 320—374.
6. Гачева А. Г. Чхеидзе К. А. // Русская философия : энциклопедия. 2-е изд. М. : Книжный клуб Книголек, 2014. С. 747—748.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 446.
8. ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 447.

9. ГАРФ. Ф. Р-5911. Оп. 1. Д. 98.
10. ГАРФ. Ф. Р-5911. Оп. 1. Д. 99.
11. Евразия: Исторические взгляды русских эмигрантов. М. : ИВИ, 1992. 180 с.
12. Задорожнюк Э. Г. Евразийский концепт «месторазвитие»: северокавказская составляющая // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 65—73.
13. Из переписки В. А. Куликова и К. А. Чхеидзе // Н. Ф. Федоров: pro et contra. СПб. : РХГА, 2008. Кн. 2. С. 754—762.
14. Из переписки Н. В. Устрялова и К. А. Чхеидзе // Н. Ф. Федоров: pro et contra. СПб. : РХГА, 2008. Кн. 2. С. 726—738.
15. Из переписки П. С. Боранецкого и К. А. Чхеидзе // Н. Ф. Федоров: pro et contra. СПб. : РХГА, 2008. Кн. 2. С. 739—750.
16. Из переписки с К. А. Чхеидзе // Из истории философско-эстетической мысли 1920—1930-х годов. М. : ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 1. Н. А. Сетницкий. С. 382—450.
17. Из переписки членов литовской и эстонской евразийских групп с К. А. Чхеидзе // Н. Ф. Федоров: pro et contra. СПб. : РХГА, 2008. Кн. 2. С. 703—721.
18. Колеров М. А. Воин евразийства и его война. Константин Чхеидзе. Путник с Востока. Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма / сост. А. Г. Гачевой. М., 2011 // История. Научное обозрение OSTKRAFT. М. : Модест Колеров, 2018. № 2. С. 77—84.
19. Макаров В. Г., Репников А. В. Хранитель «федоровского очага» князь Чхеидзе глазами чекистов // Родина. 2008. № 11. С. 91—96.
20. Савицкий П. Н. Газета «Евразия» не есть евразийский орган // Мир России — Евразия : антология. М. : Высшая школа, 1995. С. 304—312.
21. Стенограмма доклада К. А. Чхеидзе «Философия общего дела» Н. Ф. Федорова (Евразийский семинар, 10 октября 1934 года, Прага) // Н. Ф. Федоров: pro et contra. СПб. : РХГА, 2008. Кн. 2. С. 694—702.
22. Трубецкой Н. С. Письмо в редакцию // Мир России — Евразия : антология. М. : Высшая школа, 1995. С. 300—301.
23. Чхеидзе К. А. Антиномии современности // Чхеидзе К. А. Путник с Востока: Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма. М. : Книжница / Русский путь, 2011. С. 352—354.
24. Чхеидзе К. А. Евразийство и ВКП(б) // Евразийский сборник. Прага : Изд. евразийцев, 1929. Кн. 6. С. 38—40.
25. Чхеидзе К. А. Идет ли мир к идеократии и плановому хозяйству: ответ на анкету // Евразийские тетради. Париж, 1934. Вып. 2/3. С. 26—28.
26. Чхеидзе К. А. Идея-проект // Чхеидзе К. А. Путник с Востока: Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма. М. : Книжница / Русский путь, 2011. С. 379—382.
27. Чхеидзе К. А. Из области русской геополитики // Тридцатые годы. Париж : Изд. евразийцев, 1931. Кн. 7. С. 105—114.
28. Чхеидзе К. А. Из письма П. Н. Савицкому 1 октября 1934 // Н. Ф. Федоров: pro et contra : антология: к 175-летию со дня рожд. и 100-летию со дня смерти Н. Ф. Федорова. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2004. Кн. 2. С. 693.
29. Чхеидзе К. А. К познанию современности // Чхеидзе К. А. Путник с Востока: Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма. М. : Книжница / Русский путь, 2011. С. 330—332.
30. Чхеидзе К. А. К проблеме идеократии // Новая эпоха: Идеократия. Политика — экономика : обзоры / под ред. В. А. Пейль. Нарва : Изд. евразийцев, 1933. С. 15—22.
31. Чхеидзе К. А. Лига наций и государства-материки // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. 8. С. 32—35.
32. Чхеидзе К. А. Национальная проблема // Чхеидзе К. А. Путник с Востока: Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма. М. : Книжница / Русский путь, 2011. С. 314—319.
33. Чхеидзе К. А. О двух поколениях // Чхеидзе К. А. Путник с Востока: Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма. М. : Книжница / Русский путь, 2011. С. 347—351.
34. Чхеидзе К. А. От «nihilya» к «ничегооку» // Чхеидзе К. А. Путник с Востока: Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма. М. : Книжница / Русский путь, 2011. С. 308—313.
35. Чхеидзе К. А. Ответ на письмо Н. А. Макшеева // Чхеидзе К. А. Путник с Востока: Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма. М. : Книжница / Русский путь, 2011. С. 440—446.
36. Чхеидзе К. А. Проблема идеократии // Вселенское дело : сб. Рига, 1934. С. 44—60.
37. Чхеидзе К. А. Путник с Востока: Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма. М. : Книжница / Русский путь, 2011. 536 с.
38. Чхеидзе К. А. Революция на переломе // Чхеидзе К. А. Путник с Востока: Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма. М. : Книжница / Русский путь, 2011. С. 342—344.

Поступила в редакцию 04.01.2020

Быстрыков Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент
Самарский государственный социально-педагогический университет
Российская Федерация, 443099, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67
E-mail: bokshich@yandex.ru

UDC 93/94

V. Yu. Bystryukov

Eurasian ideocracy of K. A. Chkheidze

The Eurasian movement that emerged after the revolution of 1917 in the environment of Russian emigration included a large number of representatives of the intellectual elite. Konstantin Aleksandrovich Chkheidze, the Secretary of P. N. Savitsky was one of them. He entered the movement in the mid-1920s and gradually became an active participant, performing a significant amount of various arrangement activities. His status and authority were determined by the fact that his works in historiography certainly belong to the Eurasian branch. However, the analysis shows that sometimes his interpretation of Eurasian ideas differed from the views of P. N. Savitsky or N. S. Trubetskoy. These two leaders of Eurasianism were also dubious about Chkheidze's ideas on the convergence of Eurasianism and the Philosophy of common cause by N. F. Fedorov. The ideas of K. A. Chkheidze reflected the complexity and inconsistency of the Eurasian ideology itself.

Key words: Eurasian movement, Russia-Eurasia, “local development”, Eurasianism, Philosophy of common cause, K. A. Chkheidze.

Bystryukov Vladimir Yuryevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Samara State University of Social Sciences and Education
Russian Federation, 443099, Samara, ul. Maksima Gor'kogo, 65/67
E-mail: bokshich@yandex.ru

References

1. Bystryukov V. Yu. Pravovoe gosudarstvo i “gosudarstvo pravdy” v rabotakh M. V. Shakhmatova [Legal state and “state of the truth” in the works of M. V. Shakhmatov]. *Samarskii nauchnyi vestnik — Samara Journal of Science*, 2019, vol. 8, no. 2 (27), pp. 304—309. DOI: 10.24411/2309-4370-2019-12230. (In Russian)
2. Gacheva A. G. Evraziistvo: ot vostochnichestva k vsechelovechnosti [Eurasianism: From Orientalism to Universal Humanity]. *Tetrady po konservatizmu — Almanac “Essays on Conservatism”*, 2015, no. 5, pp. 215—239. DOI: 10.24030/2409-2517-2015-5-215-239. (In Russian)
3. Gacheva A. G. Idei V. I. i G. V. Vernadskikh v vospriyatii pisatelya, publitsista, deyatelya evraziiskogo dvizheniya K. A. Chkheidze [The ideas of V. I. and G. V. Vernadsky in the perception of the writer, publicist, activist of the Eurasian movement K. A. Chkheidze]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, 2013, no. 4, pp. 177—197. (In Russian)
4. Gacheva A. G. Neizvestnye stranitsy evraziistva kontsa 1920 — 1930-kh godov. K. A. Chkheidze i ego kontseptsiya “sovershennoi ideokratii” [Unknown pages of Eurasianism of the late 1920s — 1930s. K. A. Chkheidze and his concept of “perfect ideocracy”]. *Voprosy filosofii*, 2005, no. 9, pp. 147—167. (In Russian)
5. Gacheva A. G. “Filosofiya obshchego dela” N. F. Fedorova v dukhovnykh iskaniyakh russkogo zarubezh'ya [N. F. Fedorov's “Philosophy of the common cause” in the spiritual pursuit of the Russian abroad]. Gacheva A. G., Kaznina O. A., Semenova S. G. *Filosofskii kontekst russkoi literatury 1920—1930-kh godov* [The philosophical context of Russian literature of the 1920—1930s]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003, pp. 320—374. (In Russian)
6. Gacheva A. G. Chkheidze K. A. [Chkheidze K. A.]. *Russkaya filosofiya: entsiklopediya. 2-e izd.* [Russian Philosophy. Encyclopedia. 2nd ed.]. Moscow, Knizhnyi klub Knigovek Publ., 2014, pp. 747—748. (In Russian)
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF). F. R-5783. Op. 1. D. 446.
8. GARF. F. R-5783. Op. 1. D. 447.
9. GARF. F. R-5911. Op. 1. D. 98.
10. GARF. F. R-5911. Op. 1. D. 99.

11. *Evraziya: Istoricheskie vzglyady russkikh emigrantov* [Eurasia: Historical Views of Russian Emigrants]. Moscow, IVI Publ., 1992. 180 p. (In Russian)
12. Zadorozhnyuk E. G. Evraziiskii kontsept “mestorazvitie”: severokavkazskaya sostavlyayushchaya [Eurasian “topogenesis” concept: North Caucasian component]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya — Humanities and Law Studies*, 2017, no. 1, pp. 65—73. (In Russian)
13. Iz perepiski V. A. Kulikova i K. A. Chkhaidze [From the correspondence of V. A. Kulikov and K. A. Chkhaidze]. *N. F. Fedorov: pro et contra* [N. F. Fedorov: pro et contra]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2008, book 2, pp. 754—762. (In Russian)
14. Iz perepiski N. V. Ustryalova i K. A. Chkhaidze [From the correspondence of N. V. Ustryalov and K. A. Chkhaidze]. *N. F. Fedorov: pro et contra* [N. F. Fedorov: pro et contra]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2008, book 2, pp. 726—738. (In Russian)
15. Iz perepiski P. S. Boranetskogo i K. A. Chkhaidze [From the correspondence of P. S. Boranetsky and K. A. Chkhaidze]. *N. F. Fedorov: pro et contra* [N. F. Fedorov: pro et contra]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2008, book 2, pp. 739—750. (In Russian)
16. Iz perepiski s K. A. Chkhaidze [From correspondence with K. A. Chkhaidze]. *Iz istorii filosofsko-esteticheskoi mysli 1920—1930-kh godov* [From the history of philosophical and aesthetic thought of the 1920—1930s]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003, vyp. 1, N. A. Setnitskii, pp. 382—450. (In Russian)
17. Iz perepiski chlenov litovskoi i estonskoi evraziiskikh grupp s K. A. Chkhaidze [From the correspondence of the members of the Lithuanian and Estonian Eurasian groups with K. A. Chkhaidze]. *N. F. Fedorov: pro et contra* [N. F. Fedorov: pro et contra]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2008, book 2, pp. 703—721. (In Russian)
18. Kolerov M. A. Voin evraziistva i ego voina. Konstantin Chkhaidze. Putnik s Vostoka. Proza, literaturno-kriticheskie stat’i, publitsistika, pis’ma [Warrior of Eurasianism and its war. Konstantin Chkhaidze. Traveler from the East. Prose, critical literary articles, journalism, letters]. *Istoriya. Nauchnoe obozrenie OSTKRAFT*. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2018, no. 2, pp. 77—84. (In Russian)
19. Makarov V. G., Repnikov A. V. Khranitel’ “fedorovskogo ochaga” knyaz’ Chkhaidze glazami chekistov [Keeper of the “Fedorovsky hearth” prince Chkhaidze through the eyes of chekists]. *Rodina*, 2008, no. 11, pp. 91—96. (In Russian)
20. Savitskii P. N. Gazeta “Evraziya” ne est’ evraziiskii organ [The newspaper “Eurasia” is not a Eurasian organ]. *Mir Rossii — Evraziya: antologiya* [World of Russia — Eurasia. An anthology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1995, pp. 304—312. (In Russian)
21. Stenogramma doklada K. A. Chkhaidze “Filosofiya obshchego dela” N. F. Fedorova (Evraziiskii seminar, 10 oktyabrya 1934 goda, Praga) [Transcript of the report of K. A. Chkhaidze “Philosophy of the common cause” by N. F. Fedorov (Eurasian seminar, October 10, 1934, Prague)]. *N. F. Fedorov: pro et contra* [N. F. Fedorov: pro et contra]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2008, book 2, pp. 694—702. (In Russian)
22. Trubetskoi N. S. Pis’mo v redaktsiyu [Letter to the editors]. *Mir Rossii — Evraziya: antologiya* [World of Russia — Eurasia: an anthology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1995, pp. 300—301. (In Russian)
23. Chkhaidze K. A. Antinomii sovremennosti [Antinomies of the Modernity]. Chkhaidze K. A. *Putnik s Vostoka: Proza, literaturno-kriticheskie stat’i, publitsistika, pis’ma* [Traveler from the East: Prose, literary and critical articles, journalism, letters]. Moscow, Knizhnitsa / Russkii put’ Publ., 2011, pp. 352—354. (In Russian)
24. Chkhaidze K. A. Evraziistvo i VKP(b) [Eurasianism and the CPSU(b)]. *Evraziiskii sbornik* [Eurasian Digest]. Praga, Izd. evraziitsev Publ., 1929, book 6, pp. 38—40. (In Russian)
25. Chkhaidze K. A. Idet li mir k ideokratii i planovomu khozyaistvu: otvet na anketu [Is the world going towards ideocracy and a planned economy: the answer to the questionnaire]. *Evraziiskie tetradi* [Eurasian notebooks]. Parizh, 1934, is. 2/3, pp. 26—28. (In Russian)
26. Chkhaidze K. A. Ideya-proekt [Idea-project]. Chkhaidze K. A. *Putnik s Vostoka: Proza, literaturno-kriticheskie stat’i, publitsistika, pis’ma* [Traveler from the East: Prose, literary and critical articles, journalism, letters]. Moscow, Knizhnitsa / Russkii put’ Publ., 2011, pp. 379—382. (In Russian)
27. Chkhaidze K. A. Iz oblasti russkoi geopolitiki [From the field of Russian geopolitics]. *Tridtsatye gody* [Thirties]. Parizh, Izd. evraziitsev Publ., 1931, book 7, pp. 105—114. (In Russian)
28. Chkhaidze K. A. Iz pis’ma P. N. Savitskomu 1 oktyabrya 1934 [From a letter to P. N. Savitsky on October 1, 1934]. *N. F. Fedorov: pro et contra: antologiya: k 175-letiyu so dnya rozhd. i 100-letiyu so dnya smerti N. F. Fedorova* [N. F. Fedorov: pro et contra. Anthology: on the 175th anniversary of the birth and the 100th anniversary of the death of N. F. Fedorov]. St. Petersburg, Rus. Khristian. gumanitar. in-t Publ., 2004, book 2, pp. 693. (In Russian)
29. Chkhaidze K. A. K poznaniyu sovremennosti [To the knowledge of modernity]. Chkhaidze K. A. *Putnik s Vostoka: Proza, literaturno-kriticheskie stat’i, publitsistika, pis’ma* [Traveler from the East: Prose, literary and critical articles, journalism, letters]. Moscow, Knizhnitsa / Russkii put’ Publ., 2011, pp. 330—332. (In Russian)

30. Chkheidze K. A. K probleme ideokratii [To the problem of ideocracy]. *Novaya epokha: Ideokratiya. Politika — ekonomika: obzory* [New era: Ideocracy. Politics — Economics. Reviews]. Narva, Izd. evraziitsev Publ., 1933, pp. 15—22. (In Russian)
31. Chkheidze K. A. Liga natsii i gosudarstva-materiki [League of Nations and Mainland States]. *Evraziiskaya khronika* [Eurasian Chronicle]. Parizh, 1927, is. 8, pp. 32—35. (In Russian)
32. Chkheidze K. A. Natsional'naya problema [National challenge]. Chkheidze K. A. *Putnik s Vostoka: Proza, literaturno-kriticheskie stat'i, publitsistika, pis'ma* [Traveler from the East: Prose, literary and critical articles, journalism, letters]. Moscow, Knizhnitsa / Russkii put' Publ., 2011, pp. 314—319. (In Russian)
33. Chkheidze K. A. O dvukh pokoleniyakh [About two generations]. Chkheidze K. A. *Putnik s Vostoka: Proza, literaturno-kriticheskie stat'i, publitsistika, pis'ma* [Traveler from the East: Prose, literary and critical articles, journalism, letters]. Moscow, Knizhnitsa / Russkii put' Publ., 2011, pp. 347—351. (In Russian)
34. Chkheidze K. A. Ot "nihilya" k "nichegoku" [From nihil to nothing]. Chkheidze K. A. *Putnik s Vostoka: Proza, literaturno-kriticheskie stat'i, publitsistika, pis'ma* [Traveler from the East: Prose, literary and critical articles, journalism, letters]. Moscow, Knizhnitsa / Russkii put' Publ., 2011, pp. 308—313. (In Russian)
35. Chkheidze K. A. Otvet na pis'mo N. A. Maksheeva [Reply to a letter by N. A. Maksheev]. Chkheidze K. A. *Putnik s Vostoka: Proza, literaturno-kriticheskie stat'i, publitsistika, pis'ma* [Traveler from the East: Prose, literary and critical articles, journalism, letters]. Moscow, Knizhnitsa / Russkii put' Publ., 2011, pp. 440—446. (In Russian)
36. Chkheidze K. A. Problema ideokratii [The problem of ideocracy]. *Vselenskoe delo: sb.* [Ecumenical affair]. Riga, 1934, pp. 44—60. (In Russian)
37. Chkheidze K. A. *Putnik s Vostoka: Proza, literaturno-kriticheskie stat'i, publitsistika, pis'ma* [Traveler from the East: Prose, literary and critical articles, journalism, letters]. Moscow, Knizhnitsa / Russkii put' Publ., 2011. 536 p. (In Russian)
38. Chkheidze K. A. Revolyutsiya na perelome [Breakthrough revolution]. Chkheidze K. A. *Putnik s Vostoka: Proza, literaturno-kriticheskie stat'i, publitsistika, pis'ma* [Traveler from the East: Prose, literary and critical articles, journalism, letters]. Moscow, Knizhnitsa / Russkii put' Publ., 2011, pp. 342—344. (In Russian)